

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ И ВОСПОМИНАНИЯ

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ

© 2002 **В.Н.Измайлова***

Воспоминания о папе складывались из собственных впечатлений и рассказов бабушки и мамы. Они так любили папу и много раз в разных вариантах повторяли сказанное, что их воспоминания стали и моими.

Николай Аркадьевич Измайлова родился **22 июня 1907** года в г. Сухуми в семье инспектора народных училищ, человека глубоко почитаемого в Абхазии. При участии Аркадия Иосафовича Измайлова открывались новые школы в Абхазии, он стоял у истоков создания абхазской письменности. В **1909** году Аркадий Иосафович Измайлова умер. Папу и его сестру воспитывала мать – Измайлова Ольга Николаевна. В свое время она получила хорошее образование, окончила гимназию, знала иностранные языки (французский, немецкий).

До Первой Мировой войны моя бабушка, будучи вдовой, со своей мамой (Верой Акимовной Троицкой) повезла детей – дочку (Лидию Аркадьевну) и сына (папу, Николая Аркадьевича) показать Россию и ее столицы. Из Сухуми поехали сначала в Петербург, а затем в Москву. Дети уже были большими: Лидочеке **10** лет, Николаю **6**. На обратном пути из Москвы в Сухуми их в **1917** году в городе Харькове застала революция. Дальше в Сухуми ехать было невозможно. Четыре человека в канун зимы остались в чужом городе без жилья, без денег, без зимних вещей. Женщин, по причине их буржуазного происхождения, ни на какую работу не брали.

Материальные заботы о семье легли на «мужские» плечи Николая, которому было в ту пору десять лет. Утром он продавал газеты, днем работал курьером в сануправлении Харьковского военного округа, вечером торговал семечками. В воскресенье еще работал чернорабочим на укладке камнями городской площади. Камни были очень тяжелые для мальчика, и это не осталось без последствий. Дрова на зиму тоже нужно было заготавливать самому. От тяжелой работы у молодого тогда человека развилось заболевание – привычный вывих плечевого сустава.

Так прошло семь лет (**1917-1924**). Только в **1924** году, когда образовалось единое Советское государство (СССР), можно было семье ехать домой, в Сухуми. Уехали женщины. Там их ждало разочарование. Дома (**3** дома) в Сухуми были заняты чужими людьми. И только в память о заслугах Аркадия Иосафовича Измайлова перед абхазским народом, удалось закрепить за вдовой (О.Н. Измайловой) часть дома. Пенсии бабушке и прабабушке не полагалось. И до самой смерти бабушек (**1939** и **1959** годы) папа их содержал.

Папа остался один в Харькове, где с **1923** года работал в качестве лаборанта в химической лаборатории техникума народного хозяйства. В период с **1926** года по **1929** год преподавал химию в школах. Он был очень способным и трудолюбивым человеком. Много занимался и экстерном сдавал экзамены как за школу, так и за техникум (Народного хозяйства), и за институт (Финансово-экономический). Затем, с **1928** по **1931** г., был аспирантом при научно-исследовательском институте химии Харьковского государственного университета, где увлеченно работал в лаборатории.

Уже в ту пору проявились его незаурядные способности в интуиции, в ощущении свежих течений в химии, которые затем развились в крупные новые научные направления. Папа успешно защитил диссертацию и был аттестован старшим научным сотрудником и оставлен в Университете Харькова. С **1937** по **1941** год работал доцентом кафедры физической химии ХГУ. Он говорил, что чтобы познать предмет, нужно его преподавать. Он преподавал различные дисциплины (химию, физику, математику и т.д.) в Финансово-экономическом институте.

На занятиях папа познакомился со студенткой Александрой Алексеевной Глуховцевой (Измайловой), которая своей живостью, красотой и умом очаровала папу на всю жизнь.

* доклад, прочитанный 19 сентября 2002 г. на чтениях, посвященных 95-летию со дня рождения Н.А.Измайлова

Так с 20 сентября 1928 до самой смерти папы они были вместе. 30 ноября 1930 года родилась дочь – Виктория Николаевна Измайлова. Семья жила в одной комнате дружной коммунальной квартиры. Мама – студентка пятого курса. Папа – преподаватель, которому по полгода не платили зарплату. Папа много занимался со мной. Каждое утро под подушкой я находила или книжку, или игрушку, или еще что-нибудь, несущее знак его внимания. Когда у него было время, папа гулял со мной, читал, мы решали задачи. А моим любимым занятием было, когда мама приводила меня в лабораторию, где папа работал в то время со стеклом (для стеклянных электродов), и выдувал для меня разные игрушки (елочные), а затем с помощью реакции серебряного зеркала, их серебрил. Когда я стала старше, папа всегда интересовался моими занятиями. В 1937 году благодаря стараниям мамы, экономиста по образованию, трудившейся в строительном кооперативе, мы въехали в собственную отдельную квартиру.

В 1938 году папа опубликовал совместно с М.С. Шрайбер в журнале «Фармация» статью под названием "Капельно-хроматографический анализ и его применение в фармации". Как потом я узнала, этой работой было положено начало существования нового хроматографического метода, который впоследствии получил название тонкослойной хроматографии.

Жизнь стала налаживаться. В 1938 году у мамы с папой родился сын Александр Николаевич Измайлов. Маленького все обожали. Он был красивым, забавным, смешливым мальчиком, который впоследствии стал физиком. Папа любил говорить: «Я – физико-химик, сын у меня физик, а дочь – химик». Могу теперь с уверенностью сказать, что семья, состоящая из мамы, папы, брата и меня, была дружная и деятельная. В доме никогда не было уныния, сложные проблемы решались сообща. Все это способствовало успешной работе папы.

Н.А.Измайлов в лаборатории; 1930-е годы.

В молодости папа занимался альпинизмом, плаванием, зимой ходил на лыжах. Однажды он попал в лавину, были серьезные травмы. После этого случая он перешел на туризм, его спутником в путешествиях по горам был мой брат Александр. Папа рассматривал занятия спортом как активный отдых. Со мной папа играл в теннис и привил мне любовь к этому виду спорта, научил крепко и правильно держать ракетку, попадать в мяч, играть по правилам и побеждать. Также он научил меня плавать, и уже в пять лет мы с ним довольно далеко заплывали в Черном море.

Никогда не забуду папин день рождения в 1941 году. Мы ждали гостей, мама напекла пирогов, но никто уже не пришел... По радио В. Молотов объявил, что немецко-фашистские захватчики перешли границу нашей Родины. Началась война.

Линия фронта быстро приближалась. Нужно было эвакуироваться. Военный комендант помог нам эвакуироваться в г. Сухуми. Мы выехали из Харькова 1 октября 1941 года. Когда ехали через Лозовую, она была линией фронта. На чудом уцелевшем под бомбеж-

ками поезде, только к концу октября мы приехали в Сухуми. Там мы жили все военное время. У нас дома по решению военкома разместили тяжелораненых бойцов, за которыми все мы ухаживали. В те трудные годы люди объединялись и все делали для общей победы над фашизмом.

В Сухуми папа работал старшим технологом аптекопроизводства, заведовал лабораторией технологии сухумской станции Всесоюзного института эфирных масел. В 1943-44 годах Н.А. Измайлов заведовал кафедрой химии Сухумского государственного педагогического института. В аптекопроизводстве и на экспериментальном заводе эфирных масел зональной станции Института эфирно-масличной промышленности Н.А. Измайловым был организован ряд производств, имеющих оборонное значение: производство аэrolаков, производство фильтров для газоубежищ, производство витаминных препаратов для нужд Черноморского флота. На основании работ по исследованию листьев цитрусовых как источника витамина С, на том же заводе производился концентрат витамина С из отходов цитрусовых плантаций. Концентрат шел на снабжение воинских частей и населения. Было организовано получение нескольких миллионов человекодоз концентрата витамина С. Папа работал по 24 часа в сутки в фактически прифронтовом городе, который часто бомбили. Довольно тонкие по технологическому исполнению производства приходилось выполнять с неквалифицированными людьми, без специальной подготовки. Пока папа присутствовал на заводе, все шло хорошо. Как только его не было – был брак, хотя «пропись» постадийности процесса папа писал по пунктам. Например, было написано: »Раствор нагреть до 100 °C, а затем охлаждать». Работники нагревали до 90 °C, а затем охлаждали и говорили: «написано до 100, а не достичь 100 °C». Начатые Н.А. Измайловым в 1942-44 гг. работы по разработке адсорбционного метода получения эфирного масла из цветов жасмина до сих пор используются. Выход эфирного масла по этому методу в 4-5 раз выше, чем при экстракции.

Научная и оборонная деятельность Н.А. Измайлова была отмечена правительством. Он был награжден медалью «За оборону Кавказа» и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и орденом Трудового Красного Знамени. За организацию витаминного производства и за работу по комплексному использованию сырья Н.А. Измайлов в 1943 г. награжден премией НКПП СССР и значком отличника соцсоревнования СССР.

Как только Харьков был освобожден от немецко-фашистских захватчиков, семья стала готовиться к возвращению. Были получены (сохранившиеся в семейном архиве) правительственные телеграммы, предписывающие немедленно возвращаться в Харьков. Все это свидетельствует о том, что была большая востребованность трудовой деятельности папы, которому в ту пору было всего 37 лет.

В 1944 году в мае месяце (за год до окончания войны) мы все вернулись в Харьков. Ехали на поезде (в теплушках) через Сталинград, которого фактически не было, одни камни и обезображенная техника. Харьков выглядел не лучшим образом. От вокзала до дома (слава Богу, он остался цел) мы шли по красному полю из битых кирпичей.

Папа начал работать заведующим кафедрой физической химии Харьковского государственного университета, а также в Фармацевтическом институте. Прежде всего предстояло восстановить университет, восстановить жизненно важные коммуникации. Планов городского газопровода и водопровода не сохранилось, и сотрудники ХГУ обнаруживали газопровод по запаху газа, ползая по земле. В довольно короткий срок эта работа была выполнена, и в лабораториях стало можно пользоваться газом и водой.

В городе было голодно и холодно. Сразу же в мае вся семья занялась посадкой огородов, чтобы обеспечить себя на зиму. Выращенные на этих грядках овощи были основной едой. Вплоть до 1949 года зимой отапливались и готовили еду с помощью печки-буржуйки с трубой, выведенной в форточку. У этой же буржуйки на высокой табуретке, которая служила столом, папа писал научные труды.

Помню ликование в городе, когда объявили об окончании войны. Все вышли на улицы. Действительно, здесь были и слезы и радость. Не было ни одной семьи, которая бы не понесла потери близких. Нас беда тоже не миновала. Мамины папа и брат погибли.

Что самое прекрасное – уже в 1945 году осенью был прием в Университет, и шли полноценные занятия. Правда, зимой в аудиториях сидели в шубах, так как помещения не отапливали. Был удивительный дух перестрадавших победителей. Большой энтузиазм и

дисциплинированность людей позволили быстро все восстановить (дома, заводы, образовательные учреждения, больницы) и даже приумножить.

В послевоенные годы папа писал свою докторскую диссертацию. Над текстом диссертации папа работал рано утром с 5 до 9 утра – до лекций в университете. Моей обязанностью было отнести рукопись машинистке и помочь папе исправить опечатки.

Докторскую диссертацию «Влияние растворителей на силу кислот» папа защитил в 1948 году в г. Киеве в объединенном Совете институтов общей и неорганической химии и органической химии АН УССР. Эта работа стала основой его известной монографии «Электрохимия растворов». Книга вышла в 1959 году. В ней Н.А. Измайлова изложил итоги своих многочисленных исследований свойств растворов. За нее Н.А. Измайлова был удостоен премии им. Д.И. Менделеева. Книга была сразу принята научной общественностью. В письме от Ю. Я. Фиалкова было написано «Не могу удержаться, чтобы не поблагодарить Вас за праздник, который Вы доставили всем Вашей книгой.».

С 1948 года я видела папу не только дома, но и в университете, т.к. с этого года стала студенткой химического факультета ХГУ. Сразу же могла передать свое впечатление о лекциях. Аудитория всегда была полна, и папа четко, с хорошей дикцией, правильной речью рассказывал материал, а студенты и слушатели жадно хватали знания. В лекциях иногда рассматривались вопросы, которые еще не были изложены в учебной литературе, а разрабатывались на кафедре физической химии ХГУ. (Лекции отличались новизной постановки вопроса, содержали собственный экспериментальный материал и стояли на уровне современной физико-химической науки.) Это привлекало и папиных сотрудников, которые также посещали лекции. За тишиной во время лекций, как сейчас помню, следила Галя Морозова (техничка). Она стояла за дверью аудитории, где читал лекцию Николай Аркадьевич и пробегающим студентам говорила: «Тыхше, тыхше! Мыкола Арканович лекцию читаю».

Моей дипломной работой руководил папа. Результаты обсуждались по мере их получения. Мне очень хотелось сделать лучше и быстрее, т.к. папа проявлял явную заинтересованность. Он мне говорил, что нужно работать с перенапряжением, довести результат работы до логического конца, а потом, на следующий день, можно расслабиться. В дипломной работе на конкретных примерах было показано, в какой мере изменение силы электролита связано с изменением энергетического состояния катионов, анионов и молекул и как можно предсказать изменение свойств при наличии данных о коэффициенте активности отдельных частиц. Папа учил меня ставить и решать научные задачи, и я многому у него научилась. Он считал совершенно необходимым применение различных методов исследования для одного и того же явления. Этому совету я следую по сей день и стараюсь научить своих учеников.

Папа много внимания уделял своим аспирантам и сотрудникам. Они были как члены семьи. Часто приходили к нам в дом, где обсуждали научные результаты, а затем было чаепитие. В нашем доме бывали папины друзья – ученые из различных городов. Папа был отменным тамадой; по-видимому, сказалось долгое общение с кавказскими народами. Мама с удовольствием принимала гостей и считала, что застолье сближает людей. Она вообще в семье играла цементирующую роль. С 1950 года она оставила работу экономиста и полностью посвятила себя семье и в основном папе. Как говорили друзья нашего дома, у мамы был «талант жены».

Мне запомнился 1952 год. В это время в научной среде бесчинствовали лжеученые. Они разгромили генетиков в биологии и принялись за химиков. Пытались уничтожить ученых, развивающих теорию резонанса. Этого показалось мало и тут же добрались до теории растворов, которую развивал мой отец.

На 20 ноября 1952 года было назначено расширенное заседание Ученого совета химического факультета ХГУ по вопросу применения термодинамики для описания свойств растворов. Фактически моего отца обвиняли в «идеализме». Среди членов расширенного ученого совета (с приглашением профессоров-гуманитариев) специалистами по обсуждаемой проблеме были только мой отец и его сотрудники. В те времена серьезные вопросы, в том числе и о методе активности в растворах, могли решаться просто большинством голосов.

Единственное, что могло бы спасти отца, это отзывы об его работе авторитетных научных-специалистов в области метода активности. На семейном совете решили, чтобы в

Москву к П.А. Ребиндеру, А.Н. Фрумкину и В.К. Семенченко поехала я (тогда студентка 4-го курса химического факультета ХГУ) и попросила, если это возможно, в письменном виде отразить их отношение к методу активности и коэффициенту активности. Ученые тут же написали о полезности такого подхода в теории растворов и тем самым поддержали и уберегли моего отца и всю физическую химию от погромов.

Н.А. Измайлов с коллегами проф. Л.М. Андреасовым, проф. Н.П. Комарем, проф. А.С. Палатником на праздновании 150-летия ХГУ

В 1953 году я уехала в Москву и поступила в аспирантуру к академику Петру Александровичу Ребиндеру и так и осталась в Москве на кафедре колloidной химии химического факультета Московского государственного университета, дослужившись до заслуженного профессора МГУ.

В те же годы папа продолжал много работать. К этому времени относятся его работы в области теории стеклянного электрода и термодинамических свойств электролитов в неводных растворах. Много внимания он уделял истории отечественной химии. Им написаны статьи о Д.И. Менделееве, об ученом Харьковского университета Н.Н. Бекетове. Все эти годы вне Харькова я имела тесный контакт с папой.

Его последние годы были успешными. В 1953 году Н.А. Измайлову было присвоено звание заслуженного деятеля науки, в 1957 году он стал членом-корреспондентом Академии наук УССР, он был награжден орденом Ленина и Трудового Красного Знамени.

В 1958 году папа стал дедушкой и, когда приезжал в Москву, с удовольствием общался со внуком Павлом Нуссом. Уже после смерти папы появились другие внуки. У сына Александра родилась дочь Наталья (она стала филологом). Своего сына мой брат назвал в честь нашего отца Николаем. Николай Александрович Измайлов стал физиком. Павел Нусс стал химиком в третьем поколении. Подрастают и правнуки: Антон Нусс – студент МГУ, Анна (дочь Натальи) – школьница. Мой брат А.Н. Измайлов так же, как и наш отец, рано ушел из жизни – в 51 год.

Научные направления, которые развивал мой папа при жизни, имеют продолжение и после его смерти. По рукописи, подготовленной ко второму изданию, в Москве в издательстве «Химия» вышли второе и третье издания этой книги. Она стала настольной книгой многих ученых. Бывая в различных лабораториях, я часто вижу корешок книги Н.А. Измайлова «Электрохимия растворов». Эта книга стала учебником для нескольких поколений студентов. У меня такое впечатление, что с папой я не расстаюсь и сейчас, уже после его кончины.

В 1973 году я была на Кубе в университете, там профессор Д. Энрикос использовала метод тонкослойной хроматографии. У нее на столе лежала книга, и когда я ее открыла, то увидела фотографию папы. Я сказала Дейзи: «Это мой папа». Она начала громко кричать «Падре, Падре», что по-испански означает «отец», позвала всех сотрудников. Успех моей командировки был обеспечен.

А совсем недавно на конференции в докладе Ю.А. Золотова была приведена таблица "Некоторые достижения отечественной аналитической химии XX-го века, получившие общее мировое признание". И там был подчеркнут приоритет Н.А. Измайлова, как основоположника тонкослойной хроматографии. И мне очень приятно, что созданный им замечательный коллектив ученых в ХГУ и его ученики продолжают начатое вместе с ним дело. В кабинете заведующего кафедрой физической химии продолжали трудиться его последователи В.В. Александров, В.И. Лебедь, а теперь Н.О. Мchedлов-Петросян.

Этот коллектив отличается не только большим профессионализмом, но и высокими нравственными качествами. Я была приятно удивлена и горда за учеников Н.А. Измайлова, когда спустя 12 лет после его смерти, в 1973 году, папа был включен в коллектив авторов по присуждению Государственной премии СССР за цикл работ по теории стеклянного электрода и электродным свойствам стекол.

Папа вместе с коллегами из ХГУ много внимания уделял изучению истории отечественной науки, отдавая должное приоритету отечественных ученых. Эти хорошие традиции продолжаются в ХГУ.

Я очень благодарна последователям папы за то, что они чтут его память и проводят регулярно Измайловские чтения, поддерживая лучшие традиции ученых всего мира.

В.Н. ИЗМАЙЛОВА

30.11.1930-28.10.2002

Когда верстался этот номер, из Москвы пришло гостестное сообщение. 28 октября скоропостижно скончалась Виктория Николаевна Измайлова. Это произошло на сороковой день после ее блестящего, запомнившегося всем выступления в Харькове на чтениях, посвященных 95-летию со дня рождения ее отца, Н.А. Измайлова (1907-1961).

Профессор кафедры коллоидной химии, заслуженный профессор МГУ, почетный работник высшего образования России В.Н. Измайлова была крупным ученым в области коллоидной химии. Ею опубликовано более 400 работ, ряд крупных обзоров в ведущих отечественных и международных научных изданиях, 5 книг, в том числе монография «Структурообразование в белковых системах» (совместно с П.А. Ребиндером). Виктория Николаевна неустанно занималась не только исследовательской, но и преподавательской, учебно-методической и организаторской деятельностью. Большой талант ученого и педагога и исключительная целестремленность снискали В.Н. Измайловой глубокое уважение коллег и учеников, среди которых более 40 кандидатов и докторов наук.

Редколлегия и все харьковские химики выражают искренние соболезнования родным, близким и коллегам Виктории Николаевны Измайловой и глубоко скорбят вместе с ними о невосполнимой утрате.

НАШ НЕЗАБЫВАЕМЫЙ УЧИТЕЛЬ – НИКОЛАЙ АРКАДЬЕВИЧ ИЗМАЙЛОВ*

© 2002 А.А.Григорьева**

Я хочу поделиться с собравшимися на Измайловские чтения своими воспоминаниями о Николае Аркадьевиче.

Впервые я увидела его в 1957/ 58 учебном году, когда мы проходили курс физической химии в ХГУ им.М.Горького. Здание химфака тогда находилось на улице Университетской, 16. На этом здании со стороны Лопанской набережной было написано "Хемічний корпус", (на этом месте теперь надпись "УЗПІ"), кафедра физхимии располагалась на первом этаже. Работая в лаборатории общего практикума под руководством Валентина Викторовича Александрова, Любови Лазаревны Спивак, Екатерины Федоровны Ивановой, мы видели иногда, как по кафедральному коридору проходил высокий, полный, крупный мужчина в темном макинтоше, шляпе и с большим портфелем. Это был Николай Аркадьевич. Он тогда писал книгу "Электрохимия растворов" и в своем неподъемном портфеле носил рукопись. При этом, как утверждала кафедральная молва, он говорил: «Наука имеет вес!» (изданная в 1959 г. книга имеет 958 страниц).

К началу 1959/ 60 учебного года кафедра физхимии переместилась на площадь Дзержинского (теперь площадь Свободы), в нынешнее здание университета. Мы, пятитикурсанки, красили полы, помогали обустраивать кафедру. Николая Аркадьевича видели редко. Его день был расписан плотно, к нему постоянно приходили и приезжали сотрудники других институтов, кафедр, городов: Константин Павлович Мищенко с учениками из Ленинграда, Вера Ивановна Дулова и ее аспиранты из Днепропетровска, Юрий Яковлевич Фиалков из Киева, москвичи: академик П.А. Ребиндер, профессор А.П. Кречков и их сотрудники, сотрудники А.И. Шатенштейна, М.И. Кабачника, всех не перечислишь. На кафедре проходили стажировку и осваивали методики аспиранты Юрий Уманский из Уфы, Вильям Барабанов из Казани, впоследствии проректор по научной работе Казанского химико-технологического института; аспирант Мао из Китая, и все они ехали за советом к Николаю Аркадьевичу.

На одном из многочисленных семинаров кто-то из москвичей сказал, "Для нас Харьков и кафедра физхимии является своеобразной "Меккой", если мы хотим убедиться, что мы что-то понимаем в теории растворов, мы едем к профессору Измайлову Николаю Аркадьевичу в Харьковский университет".

На 5-ом курсе Николай Аркадьевич читал нам спецкурс по электрохимии растворов. Нас было 5 студентов-электрохимиков, но на его лекции приходили аспиранты-физхимики, аспиранты и сотрудники фармацевтического института и других кафедр факультета, набиралось всегда более десятка слушателей. Николай Аркадьевич в темном костюме с жилеткой, в белоснежной рубашке, всегда аккуратно подстриженный (Александра Алексеевна, его супруга, очень тщательно следила за его внешним видом), объяснял нам теорию растворов. Он был очень красивым, каким-то фундаментальным, основательным, неторопливым, веским. Мы трепетали перед ним, и преклонялись перед его академичностью, солидностью. "Ну, настоящий профессор!"

А на экзаменах он был добрым. На госэкзамене наша одногруппница Алла Орлова расстерялась и не дорисовала диаграмму растворимости. Николай Аркадьевич подошел к доске и спрашивал: "А как здесь будет проходить кривая?" А сам эту кривую чертит в воздухе над рисунком! Он "болел" за своих выпускников и помогал им в трудный момент.

* Доклад, сделанный 19 сентября 2002 года на чтениях, посвященных 95-летию со дня рождения Н.А.Измайлова.

** Декан факультета естественных наук Восточно-Украинского национального университета им В.Даля, г.Луганск, uni@snu.edu.ua.

Высоко ценил Николай Аркадьевич умение женщин выполнять тонкий эксперимент. На кафедральном вечере встречи Нового, 1960-го года, он предложил тост за золотые женские руки.

Республиканский семинар по физхимии, проходивший регулярно, практически каждый месяц, собирали физхимиков всего Харькова. На семинар приезжали и докладывали соисследователи, докторанты и ученые других городов Союза. Эти семинары для нас были большой научной школой, на них мы повышали свою квалификацию. Меня на этих семинарах всегда поражала ясность мысли, широта кругозора Николая Аркадьевича, его способность видеть далеко, связывать казалось бы совершенно несвязанные вещи и явления. Вот он задает докладчику вопрос: "Как Ваши результаты связаны с тем-то и тем-то?" Сидишь, и первая мысль: "А какая тут вообще может быть связь?! При чем здесь это?" И тут Николай Аркадьевич начинает спокойно объяснять докладчику эту связь. И оказывается, что рассматриваются вещи взаимосвязанные, но докладчик и некоторые, сидящие в аудитории, о такой связи и не подозревали. Тут я хочу напомнить, что Николай Аркадьевич в свое время преподавал студентам практически все курсы химии (неорганическую, физическую, колloidную, органическую, фармацевтическую). Рассказывали нам, что в молодые годы он преподавал в институте советской торговли, который в то время был в Харькове, и в фармацевтическом институте.

После одного из таких семинаров Николая Аркадьевича не стало. На семинары тогда собирались вечером, после трудового дня, часов в 18. Николай Аркадьевич провел семинар и вместе с Шостенко Юрием Владимировичем, пошел домой уже после 8 часов вечера. Дома ему стало плохо, отказало сердце, и все мы осиротели. Той осенью 1961 г. нас было 14 аспирантов на кафедре физхимии (Юра Рыбкин с уже отпечатанной диссертацией, Олег Коновалов, Рита Хименко, Тамара Палагута, Коля Шевченко, Нина Лесик – последние двое выпускники радиофака, Галя Котлярова, Марина Щавинская, Валя Лебедь, Света Крикта и другие). Все впоследствии стали кандидатами и докторами наук.

Прошел 41 год после смерти Николая Аркадьевича. Его работы стали классическими, а фундаментальный труд «Электрохимия растворов» – настольная книга каждого химика, изучающего явления в растворах. Мы благодарны судьбе, что нас учил такой выдающийся ученый и незабываемый учитель – Николай Аркадьевич Измайлова. Светлая ему память.

Вот таким мы запомнили выдающегося ученого – физико-химика, нашего учителя Николая Аркадьевича Измайлова.

Юрій Якович Фіалков

Професор Ю.Я. Фіалков (1931-2002) після закінчення Національного університету ім. Тараса Шевченка у 1954 році незмінно працював в Національному технічному університеті України "Київський політехнічний інститут", де він пройшов творчий шлях від асистента до професора (кандидатська дисертація – 1957 р., докторська – 1965, професор – 1967). В період з 1975 до 1998 він був завідувачем кафедри фізичної хімії?

Професор Ю.Я. Фіалков постійно читав лекційний курс фізичної хімії для студентів НТУУ "КПІ", а також спецкурси в Національному університеті ім. Тараса Шевченка та інших навчальних закладах України та країн СНД; деякі з них ("Теорія хімічних процесів", "Хімія Зотопів", "Хімічна фізика") в Україні були розроблені та прочитані вперше ним. Проф. Ю.Я.Фіалкова неодноразово запрошували до університетів США, Франції, Німеччини, Польщі, Куби, Латвії, а також Росії (Москва, Саратов, Уфа, Барнаул) для читання лекцій студентам та аспірантам та проведення спільної наукової роботи.

Сумісна праця проф. Ю.Я. Фіалкова була відзначена присудженням йому звання Лауреата Державної премії СРСР (1987 р.), а також заслуженого діяча науки та техніки України (1998 р.), заслуженого професора Національного технічного університету України (1998 р.), лауреата медалі М.С. Курнакова РАН. Віндвід (1994-95 та 1997-98 рр.) був обраний Соросовським професором.

Проф. Ю.Я.Фалковим було засновано добре вдому в науковому світі школу з фізичної хімії розчинів, а також проведено ряд фундаментальних досліджень у галузі кількох фізико-хімічного аналізу. Він автором більш ніж 350 наукових праць та винаходів, серед яких 10 монографій (найбільш визначні "Двоїні жidкі системи", Київ, 1969; "Фізическая химия неводных растворов", Ленинград, 1973; "Основы фізико-хімического анализа", Москва, 1976, 1978; "Електроосаждение металлов из неводных растворов", Київ, 1985; "Растворитель как средство управления химическим процессом", Ленинград, 1990; "Фізико-хіміческий аналіз жidких систем і растворів", Київ, 1992). Монографії та книжки проф. Ю.Я.Фалкова, які видавалися в Україні та в Росії, перекладено багатьма (майже двадцятьма) мовами.

Проф. Ю.Я.Фалков придав велику увагу підготовці наукових та педагогічних кадрів. Його школою було підготовлено 3 доктори та 51 кандидат наук. Ним був розроблений експериментальний підручник з хімії для середніх шкіл та ліцеїв, які працюють за інтегрованими програмами.

На протязі багатьох років проф. Ю.Я.Фалков проводив велику активну роботу в галузі популяризації наукових знань. Він автором багатьох науково-популярних та науково-художніх книжок, серед яких визначне місце посідає книга "Сделал все, что мог..." про життя та діяльність М.В. Ломоносова.

Ці слова, безумовно, відповідають яскравому життю та творчості Ю.Я. Фалкова.

Ю.А.Малітін, Ю.О.Тарасенко

ПАМЯТИ ДРУГА

*Мы вышли из возраста приобретений
и перешли в возраст потерь...
И.Эренбург*

Уход Юрия Яковлевича Фиалкова – потеря не только для науки, это колоссальная потеря для многих и многих людей. На похоронах Ю.Я. один из близких его друзей профессор Ю. Шанин сказал очень емко: «Он был талантливым ученым, он был талантливым писателем, но самое главное – он был гениальным другом». Ю.Я. готов был броситься помочь всегда, когда сознавал, что может хоть чем-нибудь помочь в трудную минуту. И не только близким друзьям. Все мы с легкостью выражаем сочувствие, и вполне искренне. Но редки люди, кто выражает свое сочувствие – содействием. Не стану приводить примеры – они бесчисленны, – когда Юра энергично и бескомпромиссно действовал, узнав о том, что действия необходимы. Чаще всего те, ради кого он действовал, не могли понять, каким образом напасти вдруг волшебно растворялись. А Юра и не рассказывал об этом, он был непревзойденным специалистом по растворам!

Уже позднее в мастерски сделанных рассказах, сначала устных, а потом записанных и изданных в книге Фиалкова «Доля правды», друзья узнавали сюжеты и понимали, о ком и о чем идет речь. А реальные герои его рассказов так и не узнали, чьему добруму участию в их судьбе они обязаны счастливому ее повороту. А ведь что за возможности, которыми располагает профессор университета? Почти нулевые. Но не в случае Ю.Я! Фиалков не был членом ни Национальной Украинской Академии, ни Академии Наук СССР (почему? – пусть это останется на совести членов этих организаций). Но вес его профессионального имени в физической химии по Гамбургскому счету был исключительно высок. Думаю, что после Фрумкина, Бродского, Усановича, Измайлова, Мищенко и Самойлова и вместе с Крестовым имя Фиалкова символизировало физическую химию

растворов в семидесятые – девяностые годы XX века в бывшем СССР, и уж в Украине тем более. Он был патриархом этой науки. Поэтому-то участие Ю.Я. в чьей-либо научной судьбе оказывалось решающим (именно по Гамбургскому, а не номенклатурному счету). Нет, Ю.Я. не похож на Санта Клауса. Ничего подобного. Он считал своим долгом вмешиваться в научные судьбы только тогда, когда считал важным поддержать работу или научного работника, отвергнутых незаслуженно. Он считал своим долгом, долгом ученого, поддерживать (или восстановить, если она попрана) научную объективность, а тем самым и человеческую справедливость. Столь же тверд и последователен был Ю.Я., когда считал, что не научный смысл, а только конъюнктура создает возможности проникнуть в науку бездарностям или номенклатурщикам (впрочем, это почти тождественно). Известный демонстративный выход Ю.Я. из ВАК Украины в знак протesta против административного давления на процесс аттестации диссертаций – очень редкий случай как в советском, так и в постсоветском «научном пространстве».

Юрий Яковлевич был рыцарем науки, он защищал ее границы от проникновения дельцов, старался до конца своих дней. Ему не удалось.

Не удалось и нам всем, кому все еще дороги традиции науки России и Украины. Фиалков сделал все, что мог, чтобы их сохранить. Он защищал науку по-мужски, как любимую женщину. Юра ушел – Наука осталась. Нам, живущим, предстоит не только развивать ее, но и защищать. Вряд ли нам это удастся, но каждый будет делать это по тому же моральному долгу.

Мужество Учителя – не только защита науки от посягательств насилиников. Когда взорвался Чернобыль, наше коммунистическое начальство скрывало опасность для Киева. Юра понял все сразу же, конечно. На первой же лекции он объяснил своим студентам все и рассказал, что нужно делать каждому, чтобы защититься. Уверен, это сохранило жизни и здоровье многих и многих. Даже сейчас я понимаю, какой опасности – не радиационной, а административной – подвергал себя Ю.Я., он все понимал, и действовал в соответствии с долгом Учителя, в соответствии с Кодексом Януша Корчака. Юра был УЧЕНЫМ И УЧИТЕЛЕМ в том самом высоком смысле, который все еще вкладывается в эти понятия. А как он любил своих ближайших учеников... Тарасенко, Житомирский, позднее Чумак, еще несколько имен.... Нет, не все апостолы оказались достойны. «Один из вас предаст меня» – иначе не бывает. Так и случилось. Несколько последних лет жизни Ю.Я. были омрачены этим. Ю.Я. нашел силы в себе, чтобы пережить это и найти достойного преемника. Но чего стоило ему переосмысление реальностей! Впрочем, «не может быть надежной славы, покуда кровь не пролилась...». Научная и моральная сила Фиалкова сохранится. Драматизм и триумф, блеск и нищета (нищета вполне материальная, кстати – безденежье) жизни ученого и учителя – от Сократа до Ландау – повторяются. Фиалков – не исключение в этом списке Учителей.

Для меня Фиалков – не только ученый, почти двадцать лет он был самым близким мне человеком. Мы когда-то подсчитывали с ним по квитанциям платежи за телефонные переговоры Киев – Харьков – Киев – Харьков, ужасались суммам, но все повторялось из месяца в месяц и из года в год, я благодарен моей судьбе, давшей мне счастье этой дружбы. Слово «яркий» в применении к личности девальвировано. «Хочу сиять заставить заново» это слово применительно к личности Ю.Я. Яркий – это сильно светящий. Он был таким. Но еще более важным в человеческой сущности Юры была разносторонность его яркостей – как бриллиант – повернешь чуть-чуть – сверкает по-новому. Несколько его учеников по физической химии – на несколько десятилетий – основа образования. А знаете ли вы книгу Квадригина «За снагою на байдарцѣ»? «Квадрига» – это четыре автора, один из них Ю.Я. Эта проза сродни Джером К.Джерому или Марку Твену или Довлатову, на самом деле я не знаю аналогов этой искрящейся – как шампанское – пузырьками юмора прозы.

Фиалков – писатель. Через десять лет этот феномен станет предметом научных статей и диссертаций. Ведь все большое видят с расстояния, к сожалению, и с расстояния во времени тоже. Я хочу, чтобы в будущих биографиях Ю.Я.Фиалкова было зафиксировано, что он издал более десятка научно-популярных и научно-художественных книг, переведенных во многих странах. Ю.Я. совершенно случайно узнал, что его имя внесено в Энциклопедию детской литературы (это было и в самом деле неожиданным для него, в других энциклопедиях и биографических изданиях в Украине и за рубежом имя Фиалкова упоминается многократно – в связи с научными его достижениями).

Как всегда, действительность 60-80-ых годов содержит Кафкианскую компоненту в историях нашей страны. Ю.Я. узнал о том, что его книги изданы в «капиталистических странах», в Аргентине и Испании, например (я уж не помню, где еще), знаете от кого? – знаете! Юру вызвали в ПЕРВЫЙ ОТДЕЛ и потребовали отчета о том, как это он пере-

правил секретную информацию империалистам. А Юра и не знал об этих изданиях: Издательство Детской Литературы в Москве не имело, по-видимому, соответствующих инструкций от КГБ, а вот то, что профессор советского института публикуется за рубежом, минуя инстанции КГБ – это было вопиющей крамолой. Кстати, профессор Фиалков получил и свои «тридцать серебряников» за все свои книги оптом: кажется, 6 рублей и 43 копейки за все про все – за одиннадцать переизданий, если не ошибаюсь. Сумму получил сполна. В ВААП – Москве, на Новослободской. Такова цена «предательства родины»!

А на самом деле Юра был идеалистически предан нашей общей родине – России в широком смысле, и Украине в особенности. Для Ю.Я. украинский язык был столь же родным, как русский. Юра был одним из первых профессоров – естественников, кто стал читать лекции по-украински. Я знаю достоверно, от него непосредственно: он стал читать лекции по-украински потому только, что считал важным поддержать начало новой государственности, иногда даже вопреки общему желанию его студентов в отношении выбора языка общения.

Впрочем, студенты любили Ю.Я. настолько, что им – как показалось мне, побывавшему на его занятиях в аудитории – было важно общение с Ю.Я., а не язык, на котором это общение происходит. Правда, я бывал только на тех лекциях Фиалкова, которые он читал факультативно, эти лекции посещали, конечно, только те студенты, которые хотели приобщиться к наукам. Впрочем, только ради этих детей и стоит преподавать науки, только для этих детей действительно нужен талант Учителя, но именно и только эти дети составляют будущее страны. Только ради этих детей и стоит отдавать большой кусок жизни. Профессор Фиалков это сделал. Если в Украине в ближайшие 20-30 лет физическая химия как наука сохранится – это в громадной степени заслуга Фиалкова. Вообще если наука в нашей стране сохранится – это дело подвижников, редких людей, таких, как Фиалков.

Я не помню, кто из великих сказал это первым, но сегодня это ясно всем: талантливый человек проявляет талант во всем, за что берется. Я упомянул уже книгу Фиалкова «Доля правды» (несколько рассказов из этой книги опубликованы в московском журнале «Химия и Жизнь» и в киевской «Радуге», но издать эту книгу нужно целиком – это художественный документ времени, а не только таланта). Юра издал книжку очень малым тиражом – денег у него не было. Между тем, на мой взгляд, эта книга уникальна не только по сюжетам, но и по жанру. Я никогда не видел ничего подобного «Запискам благополучного еврея» – автобиография, каждый фрагмент которой может быть развернут в полнометражный фильм с «Оскаром» в finale, а новеллы из жизни, с именами героев или без таковых – каждая из них стоит того, чтобы быть читаной с эстрады. И я и мои друзья читали их, хохоча до слез, которые смешивались, наверное, и со слезами сострадания. Это – не национально-еврейское, это – национально-советское. Это смесь Жванецкого, Шоу и Зощенко. На самом же деле, проза Фиалкова – самостоятельное явление. Я не знаю, как устанавливается объективно, что такое музыкальность текста, но чувствую это в текстах Лермонтова, Тургенева, Бунина, Набокова. Конечно, проза Фиалкова не окажется в ряду этих шедевров по значимости для литературы, но я хочу подчеркнуть, что ощущение ритма и даже аллитераций в рассказах Фиалкова так явственны, что понимаешь: написано на нотном стане души – ведь Юра жил в музыке так же свободно и естественно как в химии. У меня сохранились заметки его о композиторах. Не думаю, что их следует публиковать когда-либо, разве только как научковедческое свидетельство неразделимого единения личности творца и его созданий. В том, что история науки сохранит имя Фиалкова, я уверен.

Уход неизбежен, ничего не поделаешь. Юра знал приговор: десять лет жизни, отсчитывая от декабря 1992. Никто из его друзей никогда не слышал жалоб. Юра жил так, как если впереди вечность. Он в последний раз закрыл глаза, уронив «Новый мир» от июля 2002 года.

Двадцатое августа – дата смерти выдающегося ученого и человека Юрия Яковлевича Фиалкова. Это имя сохранится надолго, много дольше, чем земная память его смертных друзей.

Владимир Кошкин